

Крым в русской лирике XVIII–XIX веков

С приобретением Крыма в 1783 г. Россия исполнила намерения Петра I об укреплении южных рубежей страны и выхода в Черное море. Стратегические преимущества полуострова оставались предметом политических и военных притязаний Запада. Русские поэты не оставались в стороне в сложные исторические периоды отстаивания Крыма. В 1854 г. в «Известиях Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности» опубликовано стихотворение Аполлона Майкова (1821–1897) «Памяти Державина», в автографе указывалось: «На первые победы русских войск в 1853-м году. Ода». В стихотворении воспевались блестящие победы русских войск в начавшейся Крымской войне (1853–1855). 14 ноября 1853 г. 5-тысячный русский отряд под командованием генерал-лейтенанта, князя И.М. Андронникова разгромил 20-тысячный турецкий корпус в сражении у крепости Ахалцих, а 18 ноября отряд кораблей Черноморского флота под командованием вице-адмирала П.С. Нахимова трёхчасовом сражении в Синопской бухте уничтожил почти весь турецкий флот. Майков рассматривает победы как продолжение побед Румянцева (на реке Кагул, 1770) и Суворова (под Измаилом, 1790), торжественно воспетые Державиным. Майков призывает «тень певца Екатерины» донести «потомкам дальным, что мы все те же, как тогда». Автор обоснованно обличает нравственные пороки Европы, напоминая соотечественникам «перестать нам о России с чужого голоса судить». Слова же «жива ещё в России о христианской Византии великодушная мечта» – воспроизводят «Греческий проект» Екатерины II, мечтавшей объединить Россию с Грецией и славянскими народами Балкан в новой Великой Византийской Империи. К тому же именно Г.Р. Державину принадлежит одно из первых успешных стихотворений, величающих присоединение Крыма к России в 1783 г.: Первоначально ода носила название – «На присоединение без военных действий к Российской державе Таврических и Кавказских областей или на учиненный договорами с Османскою портою мир 1784г.» (в дальнейшем ода переиздавалась под названием «На приобретение Крыма»).

Ф.И. Тютчев активно следил за ходом военных действий в Крыму середины XIX века. Поэт полагал, что своеобразие России заключается в единении “Славянского племени” и “православной Империи”, его называют ранним представителем панславизма в русской литературе. Однако же термин “панславизм” Тютчев освобождает от политической обусловленности и трактует его как естественную родовую связь между славянами, что проявляется в особой позиции по отношению к другим нациям. К этому добавляются особенности политического момента: Россия – единственное независимое славянское государство, поэтому “никакая политическая национальность невозможна для славян вне России”. С этой же позиции Тютчев подступает к обсуждению восточного вопроса, обострившемуся с началом Крымской войны. Тютчев признает за собой право первенства в раскрытии только еще назревающего кризиса, единственный позитивный результат которого заключается в том, что для всех стало очевидно, что Россия вступила в схватку с “целой Европой”. Крымская война, в представлении Тютчева, – это “историческая катастрофа”, предопределяющая все дальнейшее мировое развитие. Поэт надеялся на свершения пророчества:

И своды древние Софии,
В возобновленной Византии,
Вновь осенят Христов алтарь.
Пади пред ним, о царь России,-
И встань как всеславянский царь!
(“Пророчество”, 1850)

Начало Крымской войны осмыслено поэтом как столкновение двух сил, различных в своих внутренних устремлениях. Россия вступала в битву с врагами её национальной идеологии. Поэт заменил исторический масштаб на Высшее провидение событий. Обращение к Божественному слову в стихотворении “Теперь тебе не до стихов...” раскрывается как единственный залог справедливого разрешения противостояния. Ранее Тютчев писал об этом: “Невозможно, чтобы было иначе; невозможно, чтобы приступ бешенства, обуявший целую страну, целый мир, каковым является Англия, на привел к чему-нибудь ужасному. Все это бешенство, и все это лицемерие, и это нелепое хвастовство, и эта бесстыдная ложь... Ах нет, они уже чересчур пересаливают, и Господь в своем правосудии даст этим молодцам урок, который они заслуживают...” (из письма к Э.Ф. Тютчевой, 10/22 марта 1854). По письмам Тютчева воспроизводится внимательное наблюдение за ходом военных событий, передающее патриотическое чувство поэта, основанное на глубоком осознании провиденциального смысла происходящего:

Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное!
Созрела жатва, жнец готов,
Настало время неземное...
(“Теперь тебе не до стихов...”, 1854)

Падение Севастополя воспринято им с мучительным ощущением безысходности, что означало крах всех его надежд. Севастопольские события Тютчев воспринимал как личную трагедию, его состояние отражается в дневниковой записи А.Ф.Тютчевой от 3 сентября 1855 года: “Мой отец только что приехал из деревни, ничего еще не подозревая о падении Севастополя. Зная его страстные патриотические чувства, я очень опасалась первого взрыва его горя, и для меня было большим облегчением увидеть его не раздраженным, из его глаз только тихо катились крупные слезы...” (А.Ф.Тютчева. При дворе двух Императоров. Т. II, С. 35). Тютчев с сожалением признается, что Восточному вопросу “суждено пережить наше поколение”, на протяжении многих лет он останется причиной забот и переживаний России. Однако следует признать, что ожидания Тютчева частично оправдались, а именно – в правительство был призван А.М.Горчаков, впоследствии заменивший К.В.Нессельроде. Последний выступал против его назначения, но в этом случае настоял Николай I, потому что Горчаков – “русский человек”. Именно Горчаков разделял позицию Тютчева в деле национального самосознания общества и проводил эту линию в правительстве. Характеристика вышеперечисленных лиц отразилась в лирических произведениях поэта: “Не Богу ты служил и не России...” (1855), “Нет, карлик мой! трус беспримерный!..”(1850) и ряд поэтических обращений к А.М.Горчакову.